

Зимние хозяйственные занятия мужчин в сельской Якутии 1920–1960-х гг.*

В данной статье представлена реконструкция повседневных занятий мужчин как основных исполнителей хозяйственных работ на холоде в селах центральных улусов Якутии в период 1920–1960-х гг. На архивных, опубликованных и авторских полевых материалах предпринята попытка заполнить исследовательскую лауну – отсутствие освещения в современной историографии традиционных хозяйственных занятий коренных народов в их сохранности и трансформациях на повседневном уровне и в аспектах сезонной специфики. Научная новизна работы состоит в том, что была сделана попытка проследить устойчивость зимних традиционных занятий и их гендерного разделения в советский период. Результаты предпринятого исследования позволяют утверждать о сохранности зимних традиционных занятий сельских якутов в период 1920–1960-х гг., свидетельствующей об устойчивости основ жизнеобеспечения в условиях длительной зимы. Выяснено, что в меняющихся социально-экономических условиях сохранялась детерминированность зимних работ низкими температурами, диктующими последовательность и содержание хозяйственных работ сельских мужчин, на которых лежала основная нагрузка работ на холоде. Обозначены возможные аспекты продолжения темы, в которой высвечивается целый ряд лаун, ожидающих междисциплинарных исследований: в частности, современным населением республики могли быть востребованы поведенческие паттерны, связанные с безопасностью жизнедеятельности в условиях естественных низких температур.

Ключевые слова: социальная история, Якутия, сельская повседневная жизнь, традиционное хозяйство, антропология холода, гендер

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием освещения в современной историографии традиционных хозяйственных занятий коренных народов в их сохранности и трансформациях на повседневном уровне, тем более в аспектах сезонной специфики или в гендерном измерении. Текущая же активизация государственного интереса к арктическим и северным территориям России придает теме исследования не только теоретическую, но и прикладную значимость, т. к. материалы исследования могут быть востребованы в социальных программах осваивающих территорию Республики Саха (Якутия) индустриальных компаний.

Исходя из этого, нами была поставлена цель осветить хозяйственную деятельность сельских якутов в зимний период, т. е. в условиях естественных низких температур на фоне меняющихся социально-экономических условий. На-

учная новизна работы состоит в том, что была сделана попытка проследить устойчивость зимних традиционных занятий и их гендерного разделения в советский период. Исследовательскими задачами стали реконструкция повседневных занятий мужчин как основных исполнителей работ на холоде в селах центральных улусов Якутии в 1920-е гг., анализ и оценка уровня сохранности зимних традиционных занятий в период 1920–1960-х гг.

С учетом междисциплинарного характера выбранной темы исследования в ее разработке мы руководствовались принципами комплексного подхода, рассматривая интересующие нас факты и явления в связи с конкретно-исторической обстановкой 1920–1960-х гг.; сравнительно-исторический метод позволил составить основные контуры функционирования традиционных зимних занятий. В исследовании приме-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)»

нен гендерный подход, раскрывающий интересные аспекты разделения зимнего труда в культуре коренных народов, при этом в статье внимание уделено только мужским зимним занятиям. Реконструкция и анализ зимних хозяйственных занятий в сельской Якутии предприняты на архивных, опубликованных и авторских полевых материалах. В качестве источников были использованы документы, проливающие свет на хозяйственные занятия якутов в выбранных хронологических рамках, из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Большую помощь в раскрытии темы оказали полевые материалы автора (ПМА), собранные в Таттинском, Амгинском и Усть-Алданском улусах Якутии в 2015–2019 гг. Наибольший интерес в ПМА представляют записи интервью и историй жизни старожилов данных сельскохозяйственных улусов, относящиеся к периоду 1960-х гг.

В историографии советского периода ранее не ставились задачи отдельного освещения зимних традиционных занятий коренных народов Якутии. Подразумевалось, что, будучи встроенными в советскую экономику, они функционировали как любая производственная отрасль с вовлеченной в нее рабочей силой. Рутинный труд сельских жителей в его повседневных реалиях, в этнокультурных локальных презентациях и в гендерном измерении практически не получал внимания исследователей. Следует подчеркнуть, что в целом история сельской повседневности на материалах республики остается малоисследованным направлением по всем периодам ее истории. В хронологических рамках 1920–1960-х гг. отдельные аспекты повседневной жизни с ее хозяйственными и культурными практиками в сельском пространстве затрагивались в трудах И.А. Аргунова и С.И. Ковлекова [Аргунов, 1985; Ковлеков, 1992].

Несмотря на исключительное место климатического холода в жизни людей и его значение для жизнедеятельности населения Якутии, естественные низкие температуры как среда и компонент сельской зимней повседневности только недавно стали предметом специальных изысканий. Так, наряду с обзором и оценкой проблемной ситуации, А.А. Сулеймановым в пионерных разработках на региональном мате-

риале проанализированы научные основы использования в регионе ресурсов холода в советское время. Им также введен в научный оборот значительный массив данных по использованию в традиционных системах жизнеобеспечения природных криогенных ресурсов [Сулейманов, 2018а, 2018б, 2019а, 2019б]. Отдельный пласт публикаций по «холодовым» сюжетам составляют труды культурных антропологов, этнографов, в последнее время активно разрабатывающих проблематику «холодных городов», вопросы брендинга холода. Здесь для нас наиболее ценны работы, освещающие место холода, его концепты и образы в культуре коренных народов Севера [Crate, 2008, Романова, Добжанская, 2018].

В целом в дискурсе холода и его присутствия в хозяйственных и социокультурных практиках коренных народов Якутии определились два интересных исследовательских подхода. Первый позволяет рассматривать криогенные ресурсы как амбивалентное явление: не только лимитирующее жизнедеятельность, но также представляющее специфические предпочтения. Второй подход связан с тем, что текущие климатические изменения формируют ожидание «дефицита холода» в результате глобального потепления. В рамках данной статьи мы рассматриваем доминирующую роль зимних низких температур для календаря и содержания традиционных хозяйственных занятий, но при этом учитываем в сельских повседневных практиках, в частности, роль зимних дорог и льда для хозяйственной деятельности.

В существующей литературе по истории традиционных занятий коренных народов республики в советский период не ставилась задача изучения фактора воздействия зимнего холода на трудовую деятельность в гендерном измерении. Общая слабая освещенность гендерных аспектов советской и постсоветской истории Якутии, отмеченная десятилетие назад, до сих пор не преодолена [Винокурова, 2010]. Если в имеющейся историографии «женские» исследования в основном интерпретируют проблемы вовлечения женщин в советское общественное производство, советский опыт решения «женского вопроса» [Томский, 1979, Иванова, 1974], то в региональных исторических исследованиях «мужская» тематика практически отсутствует.

Хронологические рамки исследования начинаются с 1920-х гг., которые выбраны как время начала реализации социально-экономических преобразований Советской власти в Якутии. Ко времени образования Якутской АССР в 1922 г. около 95% населения республики проживало в сельской местности, занималось традиционными отраслями хозяйства: основным занятием было животноводство, земледелие занимало второе место, а охотничий и рыболовный промыслы имели подсобное значение [Народ саха..., 2003, с. 247–248]. Верхние хронологические рамки обозначены как 1960-е годы: время ускорения общих темпов развития экономики республики, превращающейся в стратегический сырьевой регион, активной миграции и урбанизации региона. Начавшееся полное огосударствление аграрного сектора, финансовые и материально-технические вливания в колхозы и совхозы республики не могли не оказать масштабного воздействия на весь уклад и образ сельской жизни: именно в этот период ускорился процесс вытеснения традиционных хозяйственных и культурных практик.

В освещении сельской повседневной жизни 1920-х гг. мы учитывали хозяйственную и культурную ситуацию в обследуемых улусах, находящихся в упадке после Гражданской войны, сопутствовавших ей мобилизаций и конфискации. Важные социально-экономические мероприятия Советской власти, в первую очередь передел земли, еще не были завершены [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 35. Л. 106–107]. Подчеркнем, что технологии и инвентарь оставались архаичными, в силу чего и вследствие климатических условий доходность животноводства и земледелия была низкой, несмотря на высокую трудоемкость. В этом свете оправданно говорить о традиционном характере и содержании повседневных хозяйственных занятий сельских якутов. В качестве ценного свидетельства этих лет нами востребованы неопубликованные рукописи И. П. Сойкконена с содержательным описанием сезонных хозяйственных занятий якутов [ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 157, 159].

Этнографические зарисовки Сойкконена особенно ценны своей релевантностью к повседневной жизни большинства этнических якутов того времени. Он описывает типичную картину повседневной жизни якутов Баягантайского

улуса (часть современного Таттинского улуса, где проведены полевые исследования – Л.В.), характерную для всех живущих в природно-культурной зоне т. н. Заречья, исторически объединяющего в то время шесть, а после административных реформ и до настоящего времени пять центральных районов республики. В 1925–1926 гг. в Заречную зону выезжали участники научной Якутской экспедиции АН СССР, оставившие, в частности, описание населения: «Всего на этом пространстве находилось 6 улусов, включавших в себе 91 наслег и 393 рода, с числом жителей-якутов 89911 человек, что, с грубым приближением, должно составлять для этого района в его целом плотность несколько менее 2 человек на квадрат. километр» [Якутия, 2007, с. 343].

Как видно, на интересующей нас территории проживала значительная часть саха-якутов, представлявших подавляющее большинство сельского населения края, общая численность которого на 1926 г. составляла 272,0 тыс. чел. [Там же, с. 5]. Мужчины составляли большинство сельского населения: во второй половине 1926-х гг. в Якутской АССР, по данным экспедиционных академических отрядов, на 1000 мужчин приходилось от 800 до 850 женщин. По ряду социальных причин смертность женщин фертильного возраста опережала показатели мужской смертности. «Мужское лицо» всей сельской Якутии сохранялось до Великой Отечественной войны, последствия которой надолго деформировали демографическую картину в улусах республики [Подробнее см: Сивцева, 2014].

В изучаемом нами Таттинском улусе, по данным Всесоюзной переписи, в 1959 г. в 155 населенных пунктах проживало 10049 чел., подавляющая часть которых была занята в сельском хозяйстве. Как видно, расселение оставалось дисперсным, не сильно изменившись со времен «аласного» проживания в 1920-е гг., следовательно, так же медленно менялся уровень развития коммуникаций и социальной инфраструктуры. В этом свете обоснованно утверждать, что повседневная хозяйственная деятельность опиралась на уклад жизни, сохраняющий многие черты традиционного, в котором жизнеобеспечение подразумевало гендерно сбалансированный повседневный труд. К началу 1960-х гг. в республике численность сельского населения

была ниже по сравнению с довоенным периодом, количество занятых в сельском хозяйстве сократилось на 27,3%. Следует подчеркнуть, что и «благополучный» статистический показатель – на 968 женщин республики приходилось 1000 мужчин – был обеспечен за счет индустриальной миграции из других регионов страны. В селах же центральных улусов шел медленный процесс восполнения людских ресурсов в целом и мужских рабочих рук в частности.

В 1960-е гг. в животноводческом и промышленном хозяйстве улуса мужчина выступал заготовщиком кормов для скота и топлива для жилищ, охотником и рыболовом, «добытчиком» в патриархальном смысле. В производственном календаре колхозов шестидесятых годов XX в. сохранялось традиционное сезонное чередование основных работ. В распорядке труда, в укладе жизни работающих хорошо просматривались элементы культуры повседневности, зафиксированные исследователями в 1920-е гг. [ПФА РАН. Ф.47. Оп. 2. Д.159. Л. 173–174].

Так, значимым событием годового цикла жизни оставалось наступление зимнего сезона, возвращение в зимние усадьбы после летних работ. В двадцатые годы на зимники якуты переезжали в начале сентября, устраивался «маласын», праздничный ужин. Он был негромким и более скромным, чем аналогичный праздник по поводу переезда на летник (сайылык), что обычно происходило в первых числах июня. Это объясняется отсутствием особой радости: впереди долгая, холодная зима, а само угощение в первую очередь адресовано главному существу в якутском зимнем жилище – почтенному духу огня. Именно у него как у главного в жизнеобеспечении в холодный сезон [Кулаковский, 1979, с. 30] спрашивали в этот день благополучия для людей и живности. Но успех зимовки, разумеется, зависел от степени подготовленности людей к длительному холодному периоду.

На мужчин возлагались «внешние» работы: починка хозяйственных построек, изгородей для конного и рогатого скота, зимнего инвентаря. Промежуток времени от переезда на зимник до наступления морозов означал небольшую передышку для мужчин: они могли поехать по делам, поохотиться на мелкую дичь. Подобный график в сельскохозяйственных улусах сохранялся длительное время: так, старожил Таттин-

ского улуса, работавший в сельском хозяйстве в 1960-е гг., вспоминал: «На зимник приходили только когда поставим последний стог. Иной неурожайный год на кормозаготовках работали при заморозках. После тяжелого сенокоса заняться приусадебными работами казалось проще. Опять-таки с семьей вместе. А осенняя охота на зайца? Тогда еще (в 1960-е гг. – Л.В.) старики устраивали загонную облаву на них...» [ПМА, запись 2019 г.]. Показательно, что информант подчеркивал активное функционирование загонной охоты на зайца как маркер «старой», традиционной формы охоты.

Настоящая зима в центральной части Якутии начиналась только в октябре, когда устанавливался снежный покров, замерзали водоемы, что в совокупности формировало зимние хозяйственные дороги. Сойконен пишет: «с этого времени мужчины постоянно связаны с хозяйством» [ПФА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 203]. Зимнее жизнеобеспечение фокусировалось на двух приоритетах: тепло и пропитание. Обеспечение топливом было обязанностью мужчин, они же доставляли сено с мест летнего сенокоса, обычно на быках, в свободные дни привозили дрова. Две эти функции в неизменном виде сохранялись в зоне Заречья вплоть до конца 1960-х гг. И только в семидесятые годы в малых якутских селах традиционный способ заготовки и вывоза зимнего топлива был модернизирован за счет применения бензопилы и современного транспорта [ПМА, запись 2015 г.].

В первые десятилетия XX в. из «холодных» мужских работ одной из первых была заготовка и вставка ледяных окон юрты и хотона: лед вынимали уже в конце октября толщиной в среднем около 20 см. В заречных улусах такая практика сохранялась до начала 1960-х гг. на отдаленных производственных участках колхозов, а в ряде хозяйств и до 1970-х гг. [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 59. Д. 107. Л. 11–13]. Оконный лед постепенно был вытеснен за счет улучшения снабжения стеклом и стройматериалами. Выемка питьевого льда является занятием сельских мужчин до настоящего времени. Сойконен пишет, что «лед выламывают на озере или речке в начале зимы, когда он еще не достиг очень большой толщины» [ПФА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 204]. До настоящего времени алгоритмы заготовки льда для питьевой воды остаются неиз-

менными: мужчины вынимают лед в ноябре, доставляют к жилью, где он хранится на особой подставке возле дома или амбара. Запасы льда на летний период спускают в погреб.

На стабильный холод, когда мясо уже может храниться в амбарах, не теряя своего качества, рассчитан и сезонный забой скота. Отметим, что за прошедшие сто лет эта работа практически не изменила своего содержания, по-прежнему при забое используются топор (для оглушения) и нож (для перерезывания горла). Мужчины снимают шкуру и разделяют тушу, по описанию Сойконена, на четыре или шесть частей. Процедура относится к тем зимним занятиям, к которым в качестве подсобной силы привлекаются женщины, помогающие с забором крови для традиционной якутской кровяной колбасы «хан». На женщин также возлагается работа по сортировке, очистке субпродуктов, уборке места забоя. По нашим полевым данным, в Таттинском улусе в 1960-е гг. забой часто производился на озерном льду [ПМА, запись 2017 г.].

В ноябре на озерах лед достигает толщины не менее 30–40 см, способен выдержать большое количество людей, настает время для мунха – коллективной неводьбы. О месте мунха в культуре якутов в литературе написано много, поэтому отметим лишь, что мунха – одно из важнейших зимних событий для мужчин. В первые десятилетия XX в. это не просто промысел, а большой зимний праздник, традиционный смотр умений и знаний, подтверждение локальной корпоративности накануне больших холодов, надолго исключаящих активное межличностное общение. Ритуал начала и завершения мунха не менялся десятилетиями: «Помню, как взрослые мужчины привозили на подводе с быком багады (невод для мунха) [Большой толковый словарь..., 2005, Т. II, с 101], раскладывали на льду полукругом, и следовал обряд его очищения. Просили у духа озера щедрости... Хозяин багады держался очень важно, в конце он получал тройную долю рыбы», – рассказывал информант 1949 г.р., воспоминания которого относятся к мунха в его родном селе Таттинского улуса в 1960-е гг. [ПМА, запись 2017 г.]. Старшие по возрасту, уважаемые мужчины делили добычу поровну между всеми присутствующими, включая зрителей: на мунха

приходили подростки, старики и свободные в это время от домашних работ женщины.

Зимняя охота у якутов – отдельная тема, получившая освещение в специальной этнографической литературе. За интересующий нас период 1920–1960 гг. охотничий промысел в колхозах и совхозах превратился в важную отрасль: пушнина оставалась экспортным товаром государственного значения. Несмотря на это, вплоть до конца 1960-х гг. качественное оружие и техническое снаряжение для охоты оставались дефицитными; документы 1960–1970 гг. свидетельствуют о перекосах в товарном снабжении в ущерб потребностям сельских жителей [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 59. Д. 144. Л. 70–72]. Условия труда и быта охотников в исследуемой зоне, как и везде в сельской Якутии, оставались практически традиционными. Из инноваций 1960-х гг. можно отметить массовое внедрение современных металлических капканов, возможность приобретать современные ружье, патроны, бинокли. Но зимовья были еще дедовские, на промысел выходили, «недалеко если, то пешком или на лыжах, если уходили далеко, мы например, ходили на участок далее 70 километров, то основной груз увозили на лошадях» [ПМА, запись 2018 г.].

Весь период 1920–1960-х гг. зимняя охота была прерогативой мужчин. Отметим, что для якутских семей было характерным наличие только мужской промысловой одежды. Архаичные ограничения для женщин, в частности, касающиеся доступа к охотничьему инвентарю, в сельской среде бытовали, по нашим наблюдениям, до последней трети XX в. Исключение делалось для вдов и девушек-сирот, вынужденных добывать пищу для своих семей, или в периоды войн и эпидемий. При этом в повседневной зимней жизни женщинам не возбранялось эпизодически добывать мелкую дичь (например, ставить силки на куропаток недалеко от жилищ), участвовать в облавной охоте на зайцев. В советское время вовлечение успешных женщин-охотников в регулярный промысел руководством якутских хозяйств поощрялось. Информанты утверждают, что оно придавало традиционной личной конкуренции охотников гендерный подтекст, подстегивая маскулинное самлюбие [ПМА, запись 2015 г.].

Содержание занятий сельских мужчин в Якутии в зимний сезон до настоящего времени

диктуется низкими температурами и коротким световым днем, обусловленным малой высотой солнца на всей территории. В улусах центральной Якутии нет полярной зимы, но минимальные показатели января, например, в Таттинском улусе могут достигать минус 66 °С в отдельных селах (например, в селе Харбалах), средняя же температура января составляла около минус 43 °С. Это выше экстремальных холодов, присутствующих в районах Верхоянска и Оймякона, где зимние показатели достигают минус 68–70 °С, но все же серьезно ограничивает времяпровождение вне источников тепла.

Кроме приоритетных занятий по обеспечению теплом, кормами и едой, зимний день мужчин был заполнен еще и рутинным, малозаметным трудом внутри жилищ. Удивительно, что вынужденное длительное пребывание в дискомфортных для человеческой активности условиях не мешало людям проявлять творческий потенциал. Из опыта своих наблюдений в якутских улусах, включая Баягантайский, В. Серошевский в конце XIX в. писал: «Бесконечно длинные зимние вечера трудолюбивой якутской семьи проходят в заготовлении для себя или по просьбе соседей платья, утвари, разных предметов». При этом ссыльный польский дворянин, весьма скептически оценивавший окружающую его повседневность, признавал, что «каждая вещь, даже самая пустячная, выходит из рук якутского мастера с особым отпечатком: она всегда вещь более или менее художественная...» [Серошевский, 1993, с. 394, 395].

Впечатляет простой перечень предметов быта и обихода, которые подлежали изготовлению или ремонту в зимние месяцы в первые десятилетия XX в. Возьмем, к примеру, деревянные изделия: весь охотничий и рыболовный инвентарь от луков к самострелам до деревянных ловушек на мелкую дичь; сельскохозяйственный и гужевой инвентарь (вилы, грабли, приспособления для земледелия, лодки, седла, сани и т.п.); вся хозяйственная и домашняя посуда; мебель и предметы быта в виде ящиков, шкапулок, табакерок, столовых приборов и черенков к ножам.

Зимние мужские работы в 1960-е гг. охватывали почти тот же круг, за исключением изготовления охотничьего и части сельскохозяйственного инвентаря. Несмотря на то, что государственная и кооперативная торговля каче-

ственно улучшила ассортимент снабжения по сравнению с 1920-ми гг., товарный дефицит был постоянным. Не хватало предметов первой необходимости, включая одежду, школьные и бытовые принадлежности, орудия труда, сельскохозяйственные инструменты [НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 59. Д. 107. Л. 5].

Вплоть до конца 1960-х гг. в малых якутских селах были в ходу орудия труда и предметы быта домашнего изготовления. В частности, во время полевых работ в Таттинском улусе мы видели изготовленное колхозником в 1964 г. деревянное приспособление «сугэһэр» для переноски тяжестей, описанное еще Сойкононом [ПФА РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 196; ПМА, запись 2017 г.]. Колхозники своими руками делали не только сезонный промысловый инвентарь, но также простую домашнюю мебель, части транспортного снаряжения и самые разные предметы бытового назначения. Зимние традиционные занятия в этот период прочно удерживали свои позиции в сельской повседневности. Мужчины-колхозники были заняты на работе по жизнеобеспечению колхозных сел и производственных поселений: заготовке и перевозке топлива, на обеспечении кормами, заготовке питьевого льда. Ежедневного труда требовал доступ к водопою для колхозного и личного поголовья, для чего в ближайшем водоеме постоянно обновлялась замерзающая при низких температурах прорубь.

Как видно, круг повседневных «мужских» работ сохранял многие элементы традиционных хозяйственных занятий, что нашло отражение, в частности, в художественной литературе 1960-х гг. В «оттепельном» романе народного писателя Якутии С.П. Данилова «Пока бьется сердце» есть характерный штрих к портрету одного из героев-мужчин – запах коровника на верхней одежде, свидетельствующий не только об осуждаемой в любом сельском социуме личной нечистоплотности. Это еще и социальная примета времени: на селе продолжают держать личный молочный скот даже служащие, в зимнее время, как и их предки, мужчины заносят сено в коровники, помогают с прогоном на водопой, с вывозом навоза.

Таким образом, предпринятое исследование позволяет говорить о достаточно высокой сохранности зимних традиционных занятий сельских якутов в период 1920–1960-х гг., свиде-

тельствующей об устойчивости основ жизнеобеспечения в условиях длительной зимы. Выяснено, что в меняющихся социально-экономических условиях сохранялась детерминированность зимних работ низкими температурами, диктующими последовательность и содержание хозяйственных работ сельских мужчин, на которых лежала основная нагрузка работ на холоде.

Необходимо коснуться возможных аспектов продолжения темы, в которой высвечивается целый ряд лакун, ожидающих не только исторических, но и междисциплинарных исследований. Бесспорно, что наличие вечной мерзлоты, длительного зимнего сезона, холодных ожиданий и опасений, особенно экстремально низких температур, выразилось не только в традиционном фольклоре, в ментальной сфере, но и в поведенческих паттернах в обыденной жизни. В частности, современным населением республики могли быть востребованы многие знания и навыки, связанные с холодовой безопасностью. Также открываются перспективы изучения на материалах Якутии исторического опыта экономии тепла и энергии, организации питания, психологической устойчивости в условиях длительной изоляции в ограниченном пространстве.

Литература и источники

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. – Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.

Винокурова Л.И. Гендер в Якутии: опыт и перспективы исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – №1 (1). – С.10–15.

Иванова Л.Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937 гг.). – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 184 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 199 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.

НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 35; Ф. 50. Оп. 59. Д. 107, 144.

Народ саха от века к веку: очерки истории. – Новосибирск: Наука, 2003. – 326 с.

Полевые материалы автора, собранные в Таттинском, Амгинском и Усть-Алданском улусах (районах) Республики Саха (Якутия) в 2015–2019 гг.

Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn----6kcbac1azfofe4cmqhvgl0bzre.xn--p1ai/stati/naseleanye-punkty/ytyk-kyuyol.html> (дата обращения 15.03.2020)

Романова Е.Н., Добжанская О.Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – №35. – С. 255–263.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 47. Оп. 2. Д. 157, 159.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Изд.2. – М., 1993. – 736 с.

Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование. Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. – М., 2014. – 57 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/naselenie-yakutii-v-1939-1959-gg-istoriko-demograficheskoe-issledovanie> (дата обращения 12.02.2020)

Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. – 2018а. – № 2. – С.

Сулейманов А.А. Ресурсы холода в хозяйственных и социокультурных практиках сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – начало XX вв. / “The resources of Cold” in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – early XX centuries // Bylye Gody. – 2018б. – Vol. 50. – Is. 4. – P.1601–1611.

Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в экономике сельских сообществ Якутии: разработка научных основ использования в 40–60-е годы XX века // Научный диалог. – 2019а. – № 2. – С. 311–325. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-311-325

Сулейманов А.А. Холод как преимущество: использование низких температур в жизнедеятельности сельских сообществ Якутии (традиции и современность) // Меридиан. – 2019. – Вып.2. Материалы конференции «Холод как преимущество. Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность». [Электронный ресурс]. – URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=1181> (дата обращения 10.02.2020).

Томский И.Е. Социально-экономические проблемы женского труда. – Новосибирск: Наука, 1979. – 203 с.

Якутия. Историко-культурный атлас. – М.: ДИК, 2007. – 871 с.

Якутия за 70 лет. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – 96 с.

Crate S.A. Gone the Bull of Winter?: Grappling with the Cultural Implications of and Anthropology’s Role(s) in Global Climate Change// Current Anthropology. – Vol. 49/ – No. 4 (August 2008). – Pp. 569–595.

Словари

Большой толковый словарь якутского языка. Т. II. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.

L.I. Vinokurova

Winter Economic Activities for Men in Rural Yakutia in the 1920s – 1960s.

This article presents a reconstruction of the daily activities of men as the main performers of chores in the cold winter season in the villages of the central uluses of Yakutia during 1920s-1960s. On the base of archival, published and field materials author attempted to fill the research gap – the lack of coverage in modern historiography of the traditional economic activities of indigenous peoples of Yakutia in their preservation and transformations in seasonal and gender aspects.

The results of the undertaken study allow us to confirm the preservation of the winter traditional occupations of rural Yakuts in the period 1920-1960, which testifies to the stability of the basic principles of life support in the conditions of natural low temperatures. It was found that in changing socio-economic conditions the determinism of winter work remained high, dictating the sequence and content of activity of rural men, who were the main performers of “cold works”.

Possible aspects of the continuation of the topic are highlighted, in which a whole series of lacunae awaiting interdisciplinary research: in particular, behavioral patterns related to life safety in a long winter could be in demand by the modern population of the republic.

Keywords: social history, Yakutia, rural everyday life, traditional economy, cryoanthropology, gender